

УДК 165.12

DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-85-97

Интеллектуальная честность как интеллектуальная добродетель

К. Г. Фролов

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению интеллектуальной честности как одной из возможных интеллектуальных добродетелей. Также в этом контексте проблематизируется и противоположное понятие – интеллектуальной нечестности. При этом особо оговаривается, что интеллектуальная нечестность не влечет за собой с необходимостью нечестность в моральном смысле, но лишь характеризует заинтересованность исследователя в определённом исходе его изысканий, так или иначе влияющую на характер его действий. Анализируемая проблема при этом ставится следующим образом: почему, хотя у нас имеются все основания полагать интеллектуальную честность весьма желательной для исследователя, подобное требование отнюдь не является строго обязательным? В ходе анализа предъявляется ряд свидетельств в пользу того, что интеллектуальная нечестность познающих агентов, хотя и негативно влияет на их *личные* способности постигать истину, тем не менее нередко может способствовать достижению истины на *коллективном* уровне как результата их мотивированного противоборства.

Ключевые слова

эпистемология добродетелей, интеллектуальная честность, интеллектуальные добродетели, мета-философия, аргументация

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00158 «Формальная философия аргументации и комплексная методология поиска и отбора решений спора»

Для цитирования

Фролов К. Г. Интеллектуальная честность как интеллектуальная добродетель // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 2. С. 85–97. DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-85-97

Intellectual Integrity as Intellectual Virtue

K. G. Frolov

St. Petersburg Electrotechnical University «LETI»

St. Petersburg, Russian Federation

Abstract

In this paper, I examine intellectual integrity as one of the possible intellectual virtues. I also try to investigate the opposite notion, intellectual dishonesty. I conclude that intellectual dishonesty does not necessarily entail dishonesty in the moral sense, but just presupposes that an agent has her interest in a certain outcome of her research and that it influences her actions. The analyzed problem then looks as follows: on the one hand, we have every reason to believe that intellectual integrity is desirable for a researcher; on the other hand, this requirement is not strictly necessary. Why? I show that although intellectual dishonesty negatively affects an agent's personal ability to comprehend the truth, it can contribute to the achievement of the truth at the social level. We get such an outcome as a result of the confrontation of such motivated agents.

Keywords

virtue epistemology, intellectual integrity, intellectual virtues, metaphilosophy, argumentation

Acknowledgements

The study was supported by RFBR (research project no. 20-18-00158 "Formal Philosophy of Argumentation and Integrated Methodology of the Search and Selection of Dispute Solutions")

For citation

Frolov K. G. Intellectual Integrity as Intellectual Virtue. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 2, p. 85–97. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-85-97

Эпистемология добродетелей представляет собой раздел философского знания, в рамках которого исследуется спектр потенциальных личных качеств познающего субъекта на предмет их содействия обретению истины. Само обладание субъектом некоторыми такими личными качествами даёт ему ощутимые преимущества при поиске истины по сравнению с теми индивидами, у которых эти качества отсутствуют. Тем самым проблематика эпистемологии добродетелей выводит нас из теоретической плоскости в практическую – это происходит тогда, когда мы, например, задаемся вопросом о методах и техниках воспитания (взрачивания) в субъектах тех или иных интеллектуальных добродетелей [Каримов, Казакова, 2014].

Такое личностное измерение отличает проблематику эпистемологии добродетелей от традиционных задач эпистемологии: поиска критериев различения знания и мнения, исследования методов познания на предмет их достоверности и границ применимости и множества иных вопросов, в рамках которых специфика и индивидуальность всякого познающего субъекта игнорируются. Однако такое

игнорирование хотя и остаётся традиционно увязываемым со стандартами объективности, всё же не является обязательным с методологической точки зрения. В самом деле, совокупность индивидуальных качеств субъекта, рассмотренная с эпистемологической точки зрения, вполне может быть концептуализирована и раскрыта в понятии его надёжности: «В рамках такого подхода субъект, обладающий интеллектуальными добродетелями, и будет обеспечивать надежность механизма, существенно повышающего вероятность достижения истины» [Шевченко, 2016. С. 85].

Соответственно, когда мы говорим о тех или иных личных качествах как о потенциальных интеллектуальных добродетелях или пороках, одной из актуальных исследовательских задач оказывается их классификация [Каримов, 2017]. Ведь лексика всякого живого, естественного языка располагает множеством понятий, призванных характеризовать человека, – его поведение, склонности, умения, способности, достижения. Лингвистический, семантический анализ оказывается здесь тесно сопряжён со вполне философской проблематикой: являются ли, например, «любопытство» и «любопытность» полными синонимами? Может ли «любопытность» в каких-либо контекстах характеризоваться в качестве «чрезмерной»? Какие факторы или обстоятельства способны сделать активное стремление к знанию серьёзным препятствием на пути к его обретению? Тем самым мы видим пример того, как в рамках трёх взаимосвязанных вопросов можно перейти от лингвистической проблематики к исключительно философской.

При этом именно философская сторона вопроса оказывается определяющей при решении исходной, «классификационной» задачи по определению характера границ и содержательных взаимосвязей между теми или иными понятиями, характеризующими личные качества субъекта. Причем задача эта оказывается исключительно сложна, о чем свидетельствует широкий спектр современной литературы по данному вопросу [Roberts, Wood, 2007. С. 152].

В свете сказанного следует изначально оговорить, что в рамках настоящего исследования я намерен сосредоточиться на изучении более локального вопроса – вопроса о природе и статусе того личного качества, которое именуется «интеллектуальная честность».

Интеллектуальная честность, взятая в качестве некоторой идеализации, представляет собой личное качество субъекта, проявляющееся в его словах, поступках и иных действиях по поводу любых дискуссионных вопросов, и характеризующееся непредвзятостью, незаинтересованностью, а также отсутствием необоснованных предубеждений в отношении дискутирующих сторон и их позиций. Тем самым интеллектуальная честность по определению является интеллектуальной добродетелью, поскольку повышает шансы овладеть знанием в том смысле, в ка-

ком о нём говорил Поппер: «Знание совершенно не зависит от чьих-либо убеждений или склонности соглашаться, либо утверждать, либо действовать. Знание в объективном смысле – это знание без знающего: это знание без субъекта» [Popper, 1972. С. 109]. Такое знание «не окрашено и не зависит от чувств и мнений высказывающейся личности» [Graham, 1965. С. 287]. Соответственно, любые проявления заинтересованности познающего субъекта в достижении конкретного, заранее определённого желаемого результата познания повышают риск отпадения от обозначенного выше идеала. Среди таких проявлений прежде всего следует указать тенденциозный, избирательный подбор свидетельств в пользу желаемого итога, а также замалчивание и игнорирование свидетельств, подрывающих или опровергающих ту гипотезу, которую субъект во что бы то ни стало намерен отстаивать.

Рациональных оснований совершать подобные действия у субъекта может быть немало. Ведь истина – лишь одна из множества ценностей, которые в ряде различных ситуаций имеют склонность вступать друг с другом в конфликт. Безопасность, власть, любовь, вера – это лишь некоторые примеры из обширного списка тех ценностных категорий, ради которых людям порой свойственно поступаться истиной, или, по крайней мере, вольно или невольно отклоняться от идеала интеллектуальной честности в своих интерпретациях и оценках идей оппонентов.

То, что следование до конца такому идеалу является делом невозможным и никому не посильным, по-видимому, следует признать самоочевидным фактом, не нуждающимся в каких-либо дополнительных развёрнутых обоснованиях. Однако эта всякий раз заранее известная неспособность отдельного исследователя быть в полной мере интеллектуально честным требует самостоятельной оценки. И здесь можно выделить два независимых аспекта: нормативный и дескриптивный.

Нормативный аспект состоит в следующем: допустимо ли, чтобы мотивации и предпочтения исследователя оказывали отчетливое влияние на ход его мыслей и рассуждений?

Дескриптивный аспект той же проблемы заключается в вопросе о том, происходит ли подобное в рамках реальных исследовательских практик?

При этом между сущим и должным, как хорошо известно, нет никакой непосредственной логической связи. Даже если норма интеллектуальной честности признаётся нами в качестве таковой, это еще не влечёт за собой следствие вида «поскольку исследователи должны быть интеллектуально честными, то они таковыми и являются». Аналогичным образом нет никакого следования и в противоположном направлении: даже если мы не в состоянии найти ни одного идеально

интеллектуально честного исследователя, это еще не означает, что таковая норма не является обоснованной. Гипотетически остаётся мыслимым сценарий, согласно которому все имеющиеся познающие субъекты ведут себя неверным, некорректным образом.

Однако подобный сценарий видится возможным только в более широком контексте морального реализма, в рамках которого истинность или ложность нормативных суждений определяется не результатом социальных конвенций, а положением дел во внешнем мире [Parfit, 2011], существующим в своей определённости независимо от мнения людей или даже независимо от факта их существования. Если же мы не разделяем взглядов морального реализма, то ситуация, при которой ни один познающий агент не следует тому, что выдвигается на роль некой нормы, представляется, по меньшей мере, проблематичной. Правило, которому никогда не следуют, не есть правило.

Тем самым обнаруживается определённое напряжение между нормативным и дескриптивным аспектами рассматриваемой проблемной области в том виде, в котором они сформулированы выше. Так, в данном случае само пожелание неангажированности, незаинтересованности для исследователя выглядит вполне разумно. Однако что следует делать, если это не так? Что делать, если исследователь, вступая в ту или иную область исследований, еще на входе осознаёт, что ему не всё равно, какая из сторон права, и у него на сей счет есть явно выраженные предпочтения? Можно ли на сознательном уровне проследить ту грань, которая отделяет допустимую, сдержанную заинтересованность от той стадии, на которой подобная заинтересованность влечет за собой те или иные злоупотребления и искажения со стороны исследователя? И если такую грань установить невозможно, то значит ли это, что любая пристрастность лишает исследователя способности плодотворно заниматься разработкой интересующих его проблем?

Проведя эти предварительные рассуждения, я готов сформулировать ту проблему, анализу которой посвящено данное исследование.

С одной стороны, широкое распространение имеет устойчивая интуиция о том, что интеллектуальная честность является интеллектуальной добродетелью, а отклонение от линии поведения, предписываемой ею, препятствует обретению истины или, по крайней мере, существенно затрудняет этот процесс. С другой стороны, у нас, по-видимому, нет интуиций о том, что все исследователи должны быть идеально интеллектуально честными и обязаны не допускать, чтобы их предпочтения влияли на ход их рассуждений, а также на итоговый характер получаемых ими результатов, в то время как тому, кто не соответствует такому идеалу незаинтересованного познания, не следовало бы заниматься научными или философскими изысканиями вовсе.

Такая склонность полагать интеллектуальную честность желательной для исследователя, но всё же не строго обязательной нуждается в прояснении, что и представляет собой проблему.

Что можно сказать на сей счет?

Прежде всего, стоит внимательно рассмотреть ситуацию внутреннего конфликта мотивированного, а потому потенциально склонного к интеллектуальной нечестности исследователя, желающего при этом продолжать свои исследования (т.е. находящегося под давлением частного случая дуализма практического разума в терминах Г. Сиджвика).

Предположим, что я отчетливо испытываю заинтересованность в том, чтобы платонизм – тезис о существовании абстрактных объектов, имеющих место вне физического пространства и времени – оказался верен. Я знаю, что мне не всё равно, и готов прилагать усилия к тому, чтобы приблизить момент установления его истинности (что бы это ни значило). Кроме того, я осознаю, что мне, как и многим другим мотивированным исследователям, свойственно замалчивать слабые места моей концепции и выдвигать на первый план наиболее выигрышные и сильные её стороны. Также я осознаю, что подобная избирательная, тенденциозная презентация моих взглядов может привести к появлению у меня сторонников и последователей, которые при этом останутся не осведомлены о слабых местах моей концепции. Но это именно то, чего я хочу, поскольку появление сильных последователей увеличивает интеллектуальный потенциал моей концепции! Ведь со временем, когда под натиском критиков слабые места теории проявят себя в публичном пространстве, эти мои сильные последователи, возможно, найдут для них те или иные решения, что позволит моей концепции сохранить шансы оказаться истинной, в чем я лично заинтересован по иным причинам.

И всё же, несмотря на эти отчасти рациональные оправдания, нет никакой возможности отрицать тот факт, что в рассматриваемой гипотетической ситуации мы имеем дело с сознательным проявлением интеллектуальной нечестности. Однако при этом, как я полагаю, у нас не возникает никаких интуиций о том, что такому философу (или ученому) следует немедленно прекратить все свои исследования, дабы снизить риск введения в заблуждение широких слоёв общественности. В свою очередь, отсутствие подобного рода интуиций ставит перед нами вопрос о статусе такой нечестности.

Наш анализ тем самым показывает, что «беспристрастность, хотя и является важнейшей характеристикой морали, вовсе не обязательно всегда и везде имеет приоритет. Моральное рассуждение вполне может быть использовано и как способ защиты собственных интересов» [Шевченко, 2014. С. 84]. Причем такой тезис

остаётся верным и в том случае, если понятие «мораль» мы здесь заменим на термин «познание»¹.

В то же время, как справедливо указывает А. Шевченко, «суть морально-практического рассуждения именно в том и состоит, чтобы найти баланс между требованиями беспристрастности и личным интересом» [Шевченко, 2014. С. 84]. Попробуем это проделать.

Прежде всего, стоит заметить, что один и тот же исследователь в рамках различных академических практик может выполнять разные функции, требующие различного оптимального соотношения между незаинтересованностью и мотивированностью в отношении достижения определённого результата. Потому я предлагаю эти академические практики и контексты условно поделить на два типа: первый тип практик – режим судьи (арбитра); второй тип практик – режим адвоката.

К первой категории относятся такие виды академической активности как подготовка внутренних рецензий, отзывов и экспертиз; написание энциклопедических статей; составление учебников и учебных пособий. При реализации всех этих задач следует проявлять толерантность к иным точкам зрения и подходам, излагать их без дискредитирующих односторонних комментариев и отдавать себе отчет в том, что само наличие такого разнообразия в подходах служит залогом дальнейшего прогресса в познании.

Ко второй категории – режиму адвоката – относятся все виды собственно авторской, а не экспертной и не обобщающей деятельности: публикация научных монографий и статей, выступление с докладами на конференциях, подготовка полемических заявлений (в том числе печатная критика оппонентов и публикация ответов на неё), а также любые формы публичных выступлений в средствах массовой информации с целью донести до аудитории свою личную позицию (интервью, участие в ток-шоу, в съемках документальных фильмов и др.). Следует заметить, что в отношении данных видов активности действуют значительно более мягкие нормы толерантности к иным точкам зрения. Выступая в качестве проponentа той или иной точки зрения и считая её верной, автор вовсе не обязан терпимо относиться к тому, что он полагает заблуждениями. Бороться с заблуждениями – по определению задача всякого просветителя.

В чем же состоит та разница между этими типами контекстов, которая приводит к подобному различию в нормах поведения? Ключевое отличие заключается в *функциях*, которые выполняют исследователи, выступая в той или иной роли.

¹ О том же сообщает нам и Я. Митрофф [Mitroff, 1974] в рамках своей критики незаинтересованного познающего субъекта, основанной на примечательном эмпирическом материале.

Основной функцией активностей первого типа является *оценка*. Оценка по определению должна быть справедливой. Несправедливая оценка не является оценкой в полном смысле этого слова подобно тому, как фальшивые деньги не являются деньгами. Оценивая несправедливо, предвзято, оценщик не выполняет свою функцию, то есть не является оценщиком. Как результат, то, что претендует на то, чтобы быть энциклопедической статьёй или судебной или иной экспертизой, таковой порой попросту не является.

Заметим, что никаких подобных сущностных требований, вообще говоря, не предъявляется в отношении авторской позиции. Даже будучи несправедливой, неадекватной в оценках по отношению к своим оппонентам, авторская позиция продолжает оставаться таковой. Почему так? Потому что выносить оценки – не первостепенная задача автора. Его задача – производить *предметы оценивания* [Plakias, 2019], те самые результаты, которые при благоприятном исходе впоследствии будут признаны оценщиками – составителями учебников и энциклопедий.

Возвращаясь к судебной аналогии, хотелось бы заметить, что адвокату, как и прокурору – то есть пропоненту и оппоненту – не просто позволено быть интеллектуально нечестными, им таковыми *предписано* быть. По крайней мере, если адвокат ближе к концу процесса заявляет: «Ввиду представленных стороной обвинения убедительных доказательств я полагаю, что мой подзащитный не заслуживает ничего иного кроме смертной казни», – то поведение такого адвоката будет охарактеризовано нами как не соответствующее нормам юридической практики. Адвокату *следует* отстаивать интересы своего подзащитного, какими бы убедительными доказательствами ни располагала сторона обвинения и какими бы жуткими ни были злодеяния, вменяемые подсудимому.

Почему это так? Что побуждает нас не просто оправдывать поведение адвоката, стремящегося выгородить того или иного очевидного преступника и позволить ему уйти от справедливого наказания, но предписывает адвокату совершать эти усилия? Легитимация подобных норм и практик находит своё обоснование в самой идее соревновательного суда. Предполагается, что противоборство двух в равной мере мотивированных сторон позволяет наиболее эффективным и организованным образом находить и оценивать аргументы за и против того или иного тезиса. Вне контекста личной заинтересованности – когда и аргументы в пользу вины обвиняемого, и аргументы в пользу его невиновности поручено искать одному и тому же человеку (например, судье) – результативность такой работы будет заведомо ниже.

Тем самым, я хотел бы указать на центральный тезис данного исследования: интеллектуальная нечестность того или иного познающего агента хотя и негатив-

ного влияет на его *личные* способности постигать истину, тем не менее может способствовать достижению истины на *коллективном* уровне.

Адвокат, искренне уверенный в невиновности своего подзащитного, не обязательно прав. Однако будучи даже неправым в том или ином конкретно взятом случае, он, всякий раз достойно выполняя свои адвокатские обязанности, служит делу эффективного судопроизводства. Его ангажированность, вероятно, систематически отклоняет его от познания истины, а потому, разумеется, не может быть признана интеллектуальной добродетелью в полном смысле этого слова. И тем не менее, такая заинтересованность побуждает его к поиску наилучших аргументов в пользу отстаиваемой им позиции, а сталкиваясь со столь же мотивированным и изощрённым противодействием своего оппонента – прокурора – способствует в конечном итоге наиболее эффективному поиску истины. Повторюсь: тем самым на коллективном уровне интеллектуальная нечестность познающих агентов может способствовать достижению истины.

Следует заметить при этом, что хотя адвокату, как и прокурору, позволено быть интеллектуально нечестными, это вовсе не предполагает позволения быть нечестными в моральном смысле. Адвокату позволено выстраивать свою линию аргументации таким образом, чтобы привлекать наибольшее внимание суда к тем доводам и обстоятельствам, которые свидетельствуют в пользу его подзащитного. Ни адвокат, ни сам подзащитный не обязаны свидетельствовать против себя. Тем самым им позволено замалчивать те или иные факты, оглашение которых не соответствует их интересам. Выявить эти факты, если таковые имеются – профессиональный долг стороны обвинения. Соответственно, когда мы говорим о стратегиях такого умышленного замалчивания, мы ведём речь о допустимых проявлениях интеллектуальной нечестности, а не о нечестности как таковой. В то же время адвокату не дозволяется, например, содействовать подсудимому в изготовлении поддельных справок или иных подложных свидетельств, способных повлиять на ход процесса. Подобное поведение в случае его выявления может быть квалифицировано не иначе как соучастие в преступных действиях.

Аналогичным образом и исследователю должно быть позволено проявлять личную заинтересованность в том, чтобы убедить широкие слои общественности в собственной правоте, но вместе с тем запрещено осуществлять прямой подлог данных и свидетельств.

В связи с этим я бы хотел особо подчеркнуть, что интеллектуальная нечестность не влечет за собой нечестность в традиционном, моральном смысле. В этом отношении интеллектуальная нечестность в той же мере отлична от нечестности как порока, в какой интеллектуальные добродетели как класс отличны от добродетелей моральных [Каримов, 2018]. Наличие или отсутствие в человеке тех или

иных интеллектуальных добродетелей ничего не сообщает нам о том, как нам следует охарактеризовать такого человека с моральной точки зрения. Наличие или отсутствие тех или иных интеллектуальных добродетелей лишь характеризует потенциал субъекта по достижению истины, не более того. Это познавательная, а не моральная характеристика субъекта. И даже такая характеристика является только лишь сравнительной: при прочих равных условиях обладание той или иной интеллектуальной добродетелью способствует обретению субъектом более широкого спектра истин, чем тот, который был бы для него доступен в том случае, если бы он не обладал такой интеллектуальной добродетелью. Соответственно, быть неполнобознательным – не аморально. Аналогичным образом быть интеллектуально нечестным – столь же не аморально.

Сократическая по своему духу гипотеза о том, что более совершенные познавательные способности субъекта влекут за собой склонность к более нравственному поведению, многократно оспаривалась в истории философии. Так, интеллектуально одарённый капиталист, обладающий всем спектром возможных интеллектуальных добродетелей, лишь получает в своё распоряжение дополнительный арсенал средств эксплуатации и манипулирования трудящимися. Это так потому, что обретение этих истин (истин факта) никоим образом не способно изменить его ценностную установку на извлечение прибыли, но лишь способствует более эффективному достижению желаемого. С другой стороны, сверхчеловек Ницше также может быть носителем всех мыслимых интеллектуальных добродетелей, отвергая при этом все моральные ценности, установки и ограничения.

Не менее спорным является тезис о том, что интеллектуальные несовершенства субъекта непременно ведут к аморальности и предосудительной жизни.

В самом деле, гипотеза о том, что интеллектуальная немощь есть предпосылка к аморальным действиям, нуждается для своего обоснования не просто в истинности морального реализма, но в истинности морального реализма особого рода, т. е. такого, который исходит из представлений о вполне эмпирическом методе познания моральных истин, примером чего может служить, в частности, концепция М. Нуссбаум [Нуссбаум, 1993]. В таком случае действительно, ограничения интеллектуального порядка (т.е. ограничения способности установления эмпирических фактов) могли бы быть причиной неспособности субъекта установить, в чем состоят как общие, так и частные моральные истины, что, в свою очередь, могло бы вести его к их систематическому нарушению.

Например, тяжёлая форма «неадаптивности интеллекта» [Zagzebski, 1996. С. 21] может иметь своим следствием неспособность следить за временем, без чего трудно не опаздывать на работу или деловые встречи. Более того, без такой интеллектуальной способности, усвоенной человеком, для него в принципе может быть

затруднительно открыть для себя идею того, что на деловые встречи следует приходить не позднее заранее согласованного времени. Аналогично, не обладая интеллектуальной способностью следить за календарём, затруднительно не забывать поздравлять своих друзей и близких с днём рождения. Таким образом, наши интеллектуальные несовершенства и качества (интеллектуальные пороки) действительно способны вести нас к моральным промахам различной степени серьёзности.

Соответственно, следует признать, что работа над нашими интеллектуальными несовершенствами способна позитивно влиять на моральную сторону нашего поведения. Так, улучшив каким-либо образом адаптивность своего интеллекта, можно уже более не забывать о том, чтобы купить подарок ко дню рождения собственного ребёнка, и тем самым не нарушать соответствующую моральную норму. И всё же следует признать, что никакие техники интеллектуального самосовершенствования не способны с необходимостью приводить к тому, чтобы полюбить собственного ребёнка, если это не так, как неспособны они научить искреннему состраданию и любви к ближнему.

Все эти рассуждения призваны показать следующее:

- 1) интеллектуальная честность, будучи интеллектуальной добродетелью, повышает наши шансы овладеть истиной и знанием, а оно, в свою очередь, в отдельных случаях способно позитивно влиять на моральную сторону нашего поведения;
- 2) тем не менее, эта потенциальная позитивная связь между интеллектуальными добродетелями и моральными добродетелями не может быть истолкована в качестве причинно-следственной, поскольку она не имеет вынуждающего характера;
- 3) интеллектуальные пороки, и, в частности, интеллектуальная нечестность, хотя и снижают наши шансы овладеть истиной и знанием, вовсе не обязательно негативно влияют на моральную сторону нашего поведения.

Кроме того, подводя некоторые итоги, следует напомнить, что познавательная деятельность имеет в том числе и коллективное, социальное измерение, нередко предполагающее борьбу и соперничество за приоритет или за лидерство. В рамках такой борьбы осуществляется отбор наиболее эффективных стратегий достижения желаемого результата, и если таковым ситуативно выступает именно истина, то для её обретения мотивированное противоборство нескольких сторон оказывается в конечном итоге наиболее эффективным инструментарием. При этом эффективность таких инструментов оказывается критически зависима от качества осуществляемого арбитража и экспертизы получаемых результатов. И в этом смысле интеллектуальная честность является безусловным фактором, определяющим темпы прогресса в познании как на индивидуальном, так и на коллективном уровне.

Список литературы / References

- Каримов А. Р., Казакова В. А.** Теория интеллектуальных добродетелей и современное образование // Вестник Нижегород. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 5–1. С. 155–162.
- Karimov A. R., Kazakova V. A.** Teoriya intellektualnykh dobrodetelei i sovremennoe obrazovanie [A Theory of Intellectual Virtues and Contemporary Education]. *Vestnik of Nizhny Novgorod State University*, 2014, no. 5, p. 155–162. (in Russ.)
- Каримов А. Р.** Типология учений об интеллектуальных добродетелях // Философия и культура. 2017. № 12 (120). С. 38–45.
- Karimov A. R.** Tipologiya uchenii ob intellektual'nykh dobrodetelyakh [Typology of the doctrine of intellectual virtues]. *Filosofiya i kul'tura [Philosophy and Culture]*, 2017, no. 12 (120), p. 38–45. (in Russ.)
- Каримов А. Р.** О соотношении моральных и интеллектуальных добродетелей // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Т. 7, № 1А. С. 21–28.
- Karimov A. R.** O sootnoshenii moral'nykh i intellektual'nykh dobrodetelei [On the relation between moral and intellectual virtues]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke [Context and reflection: philosophy of the world and man]*, 2018, vol. 7, no. 1, p. 21–28. (In Russ.)
- Шевченко А. А.** Нормативность морали и моральной теории // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2014. Т. 12, вып. 2. С. 81–86.
- Shevchenko A. A.** [Normativity of morality and moral theory]. *Vestnik NSU. Series: Philosophy*, 2014, vol. 12, no. 2, p. 81–86. (in Russ.)
- Шевченко А. А.** Эпистемология и добродетели // Сиб. филос. журн. 2016. Т. 14, № 4. С. 82–92.
- Shevchenko A. A.** Epistemology and Virtues. *Siberian Journal of Philosophy*, 2016, vol. 14, no. 4, p. 82–92. (in Russ.)
- Graham E.** The Basic Dictionary of Science. New York, Macmillan, 1965.
- Mitroff I.** Norms and Counter-Norms in a Select Group of the Apollo Moon Scientists: A Case Study of the Ambivalence of Scientists. *American Sociological Review*, 1974, vol. 39, no. 4, p. 579–595.
- Nussbaum M.** Non-Relative Virtues: An Aristotelian Approach. In: Nussbaum M. C., Sen A. (eds.) *The Quality of Life*. Oxford, Clarendon Press, 1993, p. 242–269.
- Parfit D.** On What Matters. New York, Oxford University Press, 2011.
- Popper K.** Objective Knowledge. Oxford, The Clarendon Press, 1972.
- Plakias A.** Publishing Without Belief. *Analysis*, 2019, vol. 79, no. 4, p. 638–646.

Roberts R., Wood. J. (eds.). *Intellectual Virtues: An Essay in Regulative Epistemology*. Oxford, Clarendon Press, 2007.

Zagzebski L. *Virtues of the Mind: An Inquiry into the Nature of Virtue and the Ethical Foundations of Knowledge*. New York, USA, Cambridge University Press, 1996.

Материал поступил в редколлегию

Received

07.04.2020

Сведения об авторе / Information about the Author

Фролов Константин Геннадьевич

кандидат философских наук

доцент кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета (Санкт-Петербург, Россия)

Konstantin G. Frolov

Candidate of Sciences (Philosophy)

Docent at the Chair of Philosophy, St. Petersburg Electrotechnical University (St. Petersburg, Russian Federation)

kgfrolov@etu.ru